

Федор Чирков

ВПЕРЕДИ СВОБОДНО

/рассказ/

О чём думал Костя Ихарев, прикорнувший на краю пролежанного дивана, с сцеплёнными на лбу пальцами, с закрытыми устало глазами? Куда он плыл в приторной полуденной дреме, словно отталкиваясь веслом от реальности своей невысокой комнаты? Сказать этого точно невозможно, потому что сам Костя был слишком несловоохотлив и медлителен на язык, а лицо его, хотя и строгое, даже значительное своими прикрытыми веками, ничего не обозначало.

Да о чём думает в минуту непродолжительного случайного отдыха тридцатилетний мужчина, достоинство которого в мире хотя и утверждено более или менее надежно, но все-таки нуждается в ежедневной суётливой обороне? Ведь у каждого найдутся минуты слабости, минуты уступок почти беспринципной тоске, настигающей нас не слишком часто, но все же, если вспомнить, то регулярно, подчиняясь каким-то своим таинственным законам. Тогда перспектива самой смерти становится ощутимой, как ощутимо для второгодника, что рано или поздно придёт время выпускных экзаменов и взрослой жизни.

Не то, чтобы Костя Ихарев ослабел в жизненной борьбе и не то, чтобы его минутное уныние было связано с неизвестными обстоятельствами, вовсе нет. Жизнь хотя и не баловала его слишком сильно, все же оставляла его в покое на достаточно долгое время, чтобы прийти в себя и встряхнуться. Однако стояли в его сознании завидные картины жизни, общего бытия, реальность которого он лучше всего чувствовал на больших людных пространствах, на Дворцовой площади,

например, или утром на Невском. Всёким доказательством несомненности такой жизни служил освежающий порыв ветра в пустотах свежей листвы, позолоченной солнечным светом, жар, исходящий от прибрежного песка у воды или даже заговорившее среди ночи радио в соседней комнате за стеной. И вот с этой-то жизнью и были у Ихарева какие-то странные счеты.

С одной стороны, он был явный участник, почти не ущемленный в общих правах на существование, но с другой стороны, с другой... иногда он мучительно переживал полную небязательность своего существования, и чувствовал себя как человек, случайно запавший к приятелю и оказавшийся вдруг на именинах с водкой и салатом.

Конечно, он не собирался сдаваться и добровольно уступать завоеванные им жизненные позиции, да об этом и речи не было. Но вот так уснешь однажды днем, забудешься, а потом в ужасе проснешься и хваташься за голову: кто я, сколько мне лет, кто запер меня в эту комнату, куда мне нужно спешить? Неизвестно куда, но спешить безусловно надо. И тогда покидаешь свое жилище, почти содрогаемый неприязнью к собственному дому.

Ведь бывает такое? Если честно говорить, ведь с каждым бывает, не спорьте!

- Итак, все в порядке,- для ободрения сказал себе Ихарев и стал готовиться к выходу на улицу. В сегодняшний пасмурный вечер жизнь подготовила ему напоследок день рождения знакомого, обещая традиционное веселье при поддержке алкоголя, обильную закуску вперемежку с остротами и танцы в затененной комнате со знакомыми и, быть может, не-

знакомыми девушками. Ихарев был неженат.

Нет, он не имел права обижаться на жизнь, потому что не было случая, чтобы провалы душевной тоски или ощущения житейской неустроенности не завершались утешающей и сладкой анестезией беспричинной радости и тихого ликования.

Так и сейчас ровная, почти незаметная волна успокоения понесла его вперед мимо знакомых очертаний двора по пространству, ограниченному с боков высокими оконными рядами, где светились два абажура, снизу- бугристым асфальтом, спускающимся к чугунному люку, сверху- сметенные несущимися облаками. Здесь он вновь прикоснулся к живому потоку общей жизни, вместе со влагой обволакивающего воздуха в него влилась бодрость, и какая-то струна тонко запела в груди.

В эти минуты он безраздельно властвовал на земле, послушно лежащей у него под ногами: все многообразие мира смело и верно преломлялось в его лучистом мозгу и он знал, что никто не помешает ему двигаться дальше и дальше, исполненному сдержанного достоинства, не посягающему ни на чьи права.

Поэтому, когда темнота арки ворот над головой распахнулась влажным невысоким небом, застеленным клубящимися облаками, он подумал, что нет второго такого счастья, как жить на земле, на ее вольном пространстве, и если ему дана эта благодать, то отыскать первоначальный смысл этой радости будет возможно и даже легко.

Окна внизу, у его ног, окна магазина, заполненные слегка дрожащим меловым светом, телефонная будка с распахнутой дверью, урна, переполненная окурками, грузовик,

громыхая уносящийся все дальше и дальше. Часы, готовящиеся пробить вечерний час вдали, за неровной гладью еще не замерзшей Невы, люди, взгляды которых исполнены сосредоточенности и взаимопонимания. Жизнь.

Взгляд Ихарева смело переносился вдаль, к горизонту улицы, и, свободно владея пространством, вновь возвращался назад, к хрустящей ледяной крупе под ногами. Что может быть надо еще человеку?

На остановке, обозначенной скрипучей дощечкой с номером, никого не было. Ихарев остановился, постепенно гася возбужденный блеск в глазах. Он почему-то уверенно подумал, что если напрячь волю, то можно заставить автобус немедленно появиться в пустынном конце улицы. Но решил не злоупотреблять своим могуществом и отвернулся к газетному листу, тускло белевшему на темной стене.

Когда автобус остановился, Ихареву показалось, что для него здесь не предусмотрено места, однако просунул руку в щель между покатыми спинами и нашел поручень. Ему показалось, что спина перед ним агрессивно сгорбилась возле его подбородка, но он постарался еще ближе, еще тесней приникнуть к ней, чтобы дать двери возможность затвориться. Его подбородок поместился на плече соседа. Все это напоминало чем-то ласку. Однако спина оказалась жесткой и нервно вздрогивала. Несколько раз невольный его сосед пытался молча обернуться, а потом стал определенно напирать на грудь Ихарева, почти не оставляя за собой пространства для его лица. Ихарев оказал легкое сопротивление. Натиск усилился.

- Полегче,- хотел сказать Ихарев, но не смог этого сделать, окончательно притиснутый к двери.

- Я говорю вам: полегче,- пробурчал он. Получилось тихо и не внушительно, потому что плечо соседа продолжало совершать вращательные движения, окончательно прижав его виском к двери. Они посмотрели друг другу в глаза, и Ихарев не увидел в этом лице ничего, что вызывало бы хотя бы смутную симпатию, хотя бы легкое ощущение родства.. Кусок бугристого лейкопластиря висел на щеке незнакомца, а выражение лица было такое, словно во рту у него было в полтора раза больше зубов, чем полагается взрослому человеку. Косой висок с вьющимися рыжеватыми волосками был очерчен опасной бритвой, оцарапавшей кожу до крови.

Чем-то он напоминал давно покинувшего поле футболиста. Он открыл переполненный зубами рот и его дыхание коснулось лица Ихарева.

- Ты что, спокойно стоять не можешь? Елозит, как...
Зашептися, так стой. А то рыпается, рыпается.

Что следовало ответить на это Ихареву? Что он твердо намерен отстаивать в этой душной темноте, среди стиснутых тел самое главное- свое право- право на неприкасаемость своего лица? Что, наконец, и он, и спина в габардиновом пальто равно виноваты в существующем неудобстве, или произнести еще что-нибудь с той же степенью глубины автобусной расхожей мудрости? Или ему следовало сказать так: "Там, впереди, потеснитесь немножко, ведь свободно"? Но только показалось ему лишним и ненужным говорить все это, и главное, в нем проснулась ярость человека, стоящего ниже, а

это позволяло его обидчику смотреть на него как на какую-то мелочь, а каплям, вылетающим у него изо рта, лететь ему то на щеку, то на лоб, то прямо на губы.

- Уйдите отсюда сейчас же,- едва слышно воскликнул Ихарев и локтем уперся в покатую спину. Это позволило ему наконец-то повернуться лицом к соседу.

С выдохом воздуха открылись двери и офицер в расстегнутой шинели низвергался откуда-то сверху, пробиваясь к двери, и не было никаких оснований его не выпускать. На время забыв о своем поединке, Ихарев выпустил из рук горячий повлажневший поручень.

- Вышел и больше не войдешь, индюк этакий,- с величайшим чувством своего превосходства заключил его сосед.

Ихарев вновь попытался мягко приникнуть к его спине, но почувствовал резкий толчок, от которого потерял равновесие, на мгновение отчетливо увидал ослепительно синюю с красными отблесками вспышку в глазах, ожог на щеке и понял, что стоит перед автобусом на четвереньках.

Спина неподвижно маячила в дверях, с ногой, занесенной для нового удара. Ихарев, дрожа бросился вперед, чтобы схватить за замаранный белой грязью ботинок и тащить обидчика к себе для расправы, но двери прозаически затворились, отрезая ему путь к отмщению врагу, спрятанному от него пневматическим устройством.

Автобус ушел, как в театре уходит актер, сыгравший эпизодическую роль, а Ихарев не знал, обо что вытереть свои мокрые ободранные ладони, и думал, что, пожалуй, щека тоже в грязи.

Когда-то очень давно, в пору уютного, мягкого, как ватное одеяльце, детства Косте Ихареву снился один и тот же сон. Впечатления его были настолько резки, что сон этот, вместе с небогатым реквизитом детских воспоминаний, остался с Ихаревым на всю жизнь. Сон состоял в следующем.

Костя видел себя на руках у матери, стоящей в прихожей неподалеку от входной двери. Они оба тревожно прислушиваются к тому, что происходит за дверью, а за дверью стучат, скребутся и даже немного лают, стремясь проникнуть в квартиру. Костенька очень хорошо знает, что стучатся и ломятся его враги и делают это единственно для того, чтобы вырвать его из рук матери и немедленно с ним расправиться. Костенька даже немного видит сквозь дверь внешность своего врага- она была постоянной во всех сновидениях и мгновенно узнавалась. Это было красное бугристое лицо, лишенное каких бы то ни было черт, будь то глаза, нос или подбородок. Лишь ощущение красноты, небритости и бугристости удавалось увидеть в этом лице Костеньке, может быть, потому что взглянуть в это лицо он решался лишь на мгновение. Но вот стук и грохот за дверью стихают, мама и Костенька чего-то ждут и вот они видят, что дверь начинает тихонько отворяться, сначала совсем немного, только на щелочку, потом вдруг- нараспашку и Костенька на руках у мамы оказывается лицом к лицу со своим врагом... И тут, как спасительная реакция на его собственный страх, отчаянье, ужас, к Косте приходит внезапно богатырская сила.

Мама берет его сзади за плечи и он начинает ножками, ножками в кожаных ботиночках бить своего врага в лицо, в открытую зубастую пасть, тот отступает, закрываясь руками

ми... и приходит успокоительное пробуждение.

Почему сейчас, вытирая замаранные руки о корявый ствол дерева, Ихарев чувствовал себя почти что тем же самым младенцем? Наверное, потому что все его взрослое воображение работало сейчас в одном направлении- увидеть, вообразить себе расправу с автобусным соседом, учинить эту расправу в самых разнозданных и жестоких формах. Что он воображал в эти минуты? Вот его обидчик лежит перед ним, неловко откинувшись на спину, слегка вскинув руки в безнадежной обороне. Ихарев же каблуком своего ботинка наносит ему удары в лоб, в подбородок, возле глаза, под его ударами рвется кожа, хлюпает кровь, а он все не может остановиться, пока не наступает чувство блаженной жалости к своей жертве, когда Ихареву хочется подать ему руки, помочь подняться.

Похлопав себя по бокам, Ихарев не нашел платка в брючных карманах и вынужден был утереть щеку рукавом пальто. Посмотрел на рукав сбоку, увидел мелкие крупицы дорожной грязи, нечто вроде крови, и опять как судорогой свело ему голову, вернулась жажда отомстить, вернуть себе неожиданно, и, пожалуй, безвозвратно утраченное достоинство. Немного постояв возле ствола, Ихарев изо всей силы ударили костяшками кулака о темную неровность коры дерева. Удовлетворенно увидел быстро выступающую кровь на белой содранной коже.

Немного остыв, Ихарев вернулся к необходимости идти пешком еще одну остановку и все же явиться запоздалым и странно разукрашенным гостем на сегодняшнюю вечеринку.

Слегка пританцовывая, ему отворили дверь.

- А вот и Константин Львович пожаловать изволили.

Кто-то с улыбкой протягивал руку, хлопал по плечу, указывал, куда повесить пальто. Хозяин дома появился не сразу, сопровождаемый криками и женским смехом. Ихарев церемонно улыбнулся, чувствуя на себе всю тяжесть зимнего пальто:

- Руки не подаю, чтобы не запачкать. Я весь в грязи, извини, бога ради...

Хозяин откинул голову: - Что с тобой стряслось?

- Баталья, дуэль на самом высоком уровне. Получил каблуком по глазному яблоку, - желание рассказать все как есть и найти родственное сочувствие охватило его. Он заговорил, словно готовя сюрприз.

- Еду это я в автобусе...

- Да ты проходи. Сейчас стул раздобудем.

- К нам приехал наш любимый, Костя Ихарев дорогой, - звучало уже вполне расплывчато за столом.

- Как вдруг чувствую, что меня вытесняют из автобуса.

- Прежде всего надо выпить, - говорил ему малознакомый умильный человек.

Ихарев повернулся к хозяину:

- Я прилично так говорю ему: подвинься...

- А за новорожденного не выпить - грех.

- Дайте ему рассказать. Костя пострадал за правое дело.

Рассказывай, только быстрее.

- Да что стряслось? Эта скотина вытолкнула меня из автобуса.

Костя замялся, потом сказал тихо и мрачно:

- И ногой мне по лицу съездила.

Он возбужденно оглянулся по сторонам.

- Танцы, наконец, будут, или мы должны тут спиваться и балдеть?

- Да... - начал было соболезновать хозяин, но все хором потребовали, чтобы Ихарев сказал тост.

Неожиданно Ихарев почувствовал, что страшно запыхался. Едва переводя дыхание, он что-то бормотал, отекаясь, до тех пор пока окончательно не заподозрил своих застольцев в тайном недоброжелательстве и иронии.

- Вам смешно, а мне только что по лицу сапогом съездили, - попробовал он шутить, глядя на них немного свысока.

Все посмотрели ободранную щеку, помолчали, осмысливая трагизм происшедшего.

- Все идем бить им морды, - пробормотал мужчина, напивая себе предпоследнюю рюмку.

- Танцы, танцы, - торжественно объявила, выбираясь из-за стола, знакомая Марина, и желая примирить Ихарева с жизнью, пригласила его танцевать. Щеки Ихарева горели и он чувствовал, что они лишены симметрии.

- Вас когда-нибудь оскорбляли в жизни смертельно, Марина? - ни с того, ни с сего проговорил Ихарев, чувствуя, что праздничный, игривый тон безвозвратно его покидает. Дыхание его голоса колебало локонь на виске Марины. Она послушно взглянула на него снизу.

- Почему вы так опоздали? - спросила она. - Были на свидании? Вас поцарапали.

- Да я же вам говорю, что сапогом по лицу мне ударили, - громко воскликнул Ихарев. - Вы разве еще не знаете?

- Заживет, - рассеянно сказала Марина и позволила ему

прижать ее теснее и ближе.

Но Ихарев ощущал за спиной чей-то пристальный и врачебный взгляд, не дающий ему возможности забыть недавнее прошлое.

- Ничего вы не понимаете, - с горечью произнес он, поклонился Марине и сел в уголок.

- Мне трудно об этом говорить, но это, конечно, страшное унижение, - сказал он, не глядя на того, кто сидел с ним рядом. - Вы мне сочувствуете?

Он криво улыбнулся. Однако кое-что уже было выпито и через двадцать минут Ихарев наконец нашел внутреннюю гармонию в чувстве пьяного героизма.

- Мне бы его сейчас, - вяло повторял он себе, одному себе.

- Конечно, я уже всем надоел, конечно, вас по лицу сапогом не били, подождите, ударят и вас, - бормотал он, пробираясь к вешалке. - Прощайте.

- Несчастье, конечно, большое, но оснований для того, чтобы гордиться этим, не вижу, - сказали за его спиной.

Между тем для Ихарева наступало время прощания с самим собой.

Постепенно, по мере того, как Ихарев приближался к дому новой, невероятно твердой походкой, которая бывает только у сильно опьяневших людей, по мере того, как вновь и вновь вспыхивали в его глазах синие и красные огни ослепительного удара, он начинал понимать, что вытолкнули его сегодня не только из автобуса, и выталкиванию этому не видно конца.

Незамеченная им, в нем проснулась невероятная гордыня, которая мешала ему даже на самого себя смотреть как на равного. Его знобило. Дрожь заставляла его зябко встряхиваться. Он не знал теперь, куда пристроить себя, свою оказавшуюся абсолютно лишней, нежелательной ни для кого личность, размышлял со слезой в горле, что если все так единодушно на него ополчились, то, быть может, ему действительно следовало скрыться с людских глаз, жить в лесной избушке, например, питаться ягодами или даже хвойным отваром, чорт его знает.

Он улегся в постель с чувством возвращения на родину, ощутил виском холодок подушки-ближайшего поверенного своих снов и ночных слез, пережил краткое блаженство, но стоило ему закрыть глаза, как вновь ослепительные искры посыпались у него из глаз. Он долго не засыпал, пока не понял, что нужно завтра же принять организующее решение, взять отпуск, или, еще лучше, уволиться со службы. В беспокойной полудреме прямо возле глаз выпливали неожиданные, искашенные ненавистью лица, мелькали люди, которые наперебой говорили о том, как полезно быть избитым и как хорошо, что именно его, Ихарева, избили на автобусной остановке.

- А вы не слышали,- звучало у него в голове,- ведь Ихарева вчера избили.

- Не вчера, а нынче ночью, я сам видел, как он возвращался домой.

- Ну, теперь он будет знать наших, будет знать, как ездить в переполненных автобусах, проходимец этакий.

- Пропустите меня, я еще не бил его по лицу, а мне срочно надо его ударить.

Все расступились и перед Ихаревым, прямо возле его носа выросла вчерашняя нога, в ботинке, испачканном известкой, с черными шнурками, ненавидимая и почему-то обожаемая нога. Она что-то говорила, тихо перед ним раскачиваясь, и Ихарев, на минуту просыпаясь, как о спасении думал, что завтра необходимо принять решение. Вчерашней жизни не существовало, пути к ней были закрыты, а другая жизнь, с неизгладимой медалью на лице, была ему ненавистна.

Проснулся Ихарев сначала в половине пятого утра, потом уже в полдень и сказал себе со злорадством: "Ну вот, Ихарев уже не вышел на работу". Не одеваясь, зябко он устроился на стуле и стал читать газетную хронику, которой никогда раньше не интересовался. Вернулся в постель и лежал молча, с закрытыми глазами, безо всякой надежды уснуть.

И вот сейчас, пока он лежит так, тихо закрыв глаза, пора его покинуть. Он будет лежать долго, до пяти часов вечера, потом тихо оденется и отправится на кухню в поисках борща. Он никак не отметит в календаре вчерашний вечер, даже не будет догадываться о значении его в своей жизни. И наверняка не вспомнит о минутах, когда он сквозь зубы твердил себе: "Я погиб, погиб". Быть может, он вообще скоро забудет обо всем происшедшем- печать этого дня неизгладима. И лучшее, что мы можем сделать, это оставить его одногого.
